

— РОМАН —

Какова на вкус победа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мансуров Максим

Какова на вкус победа

«Автор»

2026

Максим М. Ю.

Какова на вкус победа / М. Ю. Максим — «Автор», 2026

Герман и Артём — лучшие друзья, которым рядом друг с другом спокойно и тепло. Их дружба наполнена искренностью, лёгким юмором и тем редким ощущением дома, когда кажется, что больше ничего не нужно. Но действительно ли всё так просто, когда между двумя людьми возникает связь, которую трудно объяснить одними словами?

© Максим М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Какова на вкус победа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мансуров Максим

Какова на вкус победа

Какова на вкус победа

Аннотация

Герман и Артём — лучшие друзья, которым рядом друг с другом спокойно и тепло. Один не боится иметь и добиваться, другой ищет ответы на вопросы о близости, семье и чувствах. Их дружба наполнена искренностью, лёгким юмором и тем редким ощущением дома, когда кажется, что больше ничего не нужно. Но действительно ли всё так просто, когда между двумя людьми возникает связь, которую трудно объяснить одними словами?

Иногда самое ценное находится ближе и существует в нашей жизни намного дольше, чем мы думаем.

(М.Ю.Мансуров)

Пролог

Герман входил в свой первый в жизни школьный класс. Лица учеников казались на удивление светлыми, живыми, гораздо более жизнерадостными, чем лица его бывших сверстников по лицу. Свободных мест почти не осталось. Все кучковались впереди, и лишь один неприемлемый паренёк сидел на последней парте в одиночестве. Он сутулился, а его нос необычайно красиво горбился. Но Германа больше всего заинтересовало не это, а то, что парень сидел один. Многие в такой ситуации выбрали бы место рядом с красивой девушкой или спортсменом, который по своему обыкновению быстро рассказал бы обо всех и обо всём. Герман же направился именно к этому невзрачному паренёку. Если бы из класса исчезла отличница или, того хуже, школьный спортсмен, многие почувствовали бы, что чего-то не хватает. Но исчезни этот паренёк — никто бы и бровью не повёл, словно его здесь никогда и не было, словно всё, что сейчас видел Герман, было лишь плодом его богатого воображения. Воображение разыгрывалось всё сильнее, пока Герман пытался смотреть на классную руководительницу, одновременно косясь на своего нового соседа. Он и не подозревал, что тяжёлый, свинцовый взгляд, до этого устремлённый в пустоту, вдруг остановится на нём. Тогда паренёк медленно повернул голову, и Герман наконец разглядел его удивительно светлые, почти бесцветные глаза, которых раньше не заметил. Их взгляды встретились лишь на мгновение. Оба почувствовали неловкость и поспешили отвернуться.

После урока Герман почему-то решил пойти за тем самым парнем.

Толком им ничего не объяснили. Лишь наскоро рассказали, что нужно взять с собой на следующий день, но и этого оказалось недостаточно. Хотелось узнать всё сразу: кто есть кто, с кем можно подружиться, кому можно доверять. К этому парню Германа тянуло особенно. Он напоминал ему старых приятелей из лица — таких же угрюмых, молчаливых и немного отстранённых.

— Ты долго ещё собираешься идти за мной?

Герман вздрогнул. Перебирая ногами и погружившись в мысли, он не заметил, как почти вплотную приблизился к тому, за кем собирался следовать незаметно. Повисла неловкая пауза.

— Раз уж мы соседи по парте... могу я узнать твоё имя?

Парень помолчал, словно мысленно взвешивая, стоит ли отвечать. Наконец он коротко кивнул самому себе.

— Я Артём.

Но сказать что-то ещё он не успел — Герман тут же перебил его:

— А я Герман. Будем знакомы.

Новое место, новые люди, новый образ, а волнение оставалось прежним. От него было не спрятаться.

Артём молча протянул ему холодную руку. Герман пожал её, и они вместе пошли к выходу из школы. Уже через несколько минут они оживлённо болтали. Оказалось, Артём тоже обожал фильмы ужасов.

— Фредди, сто процентов, победит Вурхиза!

Артём рассмеялся, представив огромного Джейсона и сухого, долговязого Фредди с перчаткой-когтем.

— Да он твоего Фредди на части разорвёт!

Герман не растерялся. Он резко провёл рукой по воздуху, изображая когти.

— Хш-ш! Хш-ш! Он ему во сне такой кошмар устроит, что от Джейсона и мокрого места не останется!

— Если только Майерс или Чаки не придут на помощь!

Спор мгновенно перешёл в другое русло.

— Он бы точно смог сыграть Майкла Майерса! — Герман указал на высокого уборщика в синем рабочем костюме.

— Представь, если бы такой ночью к тебе пришёл!

— Обосрёшься! Эту фразу они произнесли одновременно, после чего оба рассмеялись.

Именно в тот момент они вдруг поняли, что уже стали друзьями. Просто так. Без долгих разговоров, без проверок и испытаний. Иногда дружба рождается не потому, что люди долго узнают друг друга, а потому, что в нужный момент обнаруживают что-то общее. Артём оказался простым человеком. Таким, которому хотелось доверять без всяких опасений. Казалось, он и сам давно ждал, чтобы кто-нибудь сделал первый шаг. И Герман его сделал. Когда они расходились, Герман тихо бросил:

— До свидания, друг. Он ещё не знал, что этими словами открывает дверь в одну очень неприятную, но невероятно увлекательную историю.

Глава 1

Утром хотелось умереть. Не потому, что боль была невыносимой. Напротив, физическая боль, как ни странно, оказалась удивительно терпимой: она словно ушла в самую глубину тела, превратившись в тяжёлый, глухой груз, неподвижно лежавший где-то под рёбрами и лишь изредка напоминая о себе тупыми, вязкими толчками. Гораздо страшнее оказалось другое — холодное, беспощадное чувство окончательности, медленно заполнявшее сознание и не оставлявшее места ни надежде, ни самообману.

Всё уже произошло, и изменить случившееся было невозможно.

Можно было бесконечно возвращаться мыслями к тому вечеру, снова и снова искать роковой момент, когда ещё существовал шанс поступить иначе, подобрать другие слова, сделать другой выбор или хотя бы задержаться на несколько минут, но прошлое оставалось неподвижным и равнодушным. Оно словно существовало отдельно от него, холодно наблюдая за отчаянными попытками найти хоть какое-нибудь объяснение, которое смогло бы облегчить душу.

Мама всегда говорила, что время лечит.

Когда-то Артём верил этим словам безоговорочно. В детстве они казались простой и неоспоримой истиной, способной объяснить любую боль. Однако теперь он понимал, что время вовсе не лечит. Оно лишь медленно притупляет память, осторожно сглаживает острые края воспоминаний, заставляет человека забывать самые мучительные подробности и взамен создаёт обманчивую, почти уютную иллюзию спокойствия.

Начинает казаться, будто всё осталось далеко позади, будто жизнь постепенно возвращается в привычное русло, а сердце наконец перестало болеть.

Но это лишь иллюзия. Рано или поздно память всё равно возвращается. Иногда достаточно случайного запаха хвои или мандаринов. Иногда — знакомой мелодии, услышанной где-нибудь в магазине. А порой хватает одного незначительного события, случайного взгляда или короткой фразы, чтобы прошлое вновь ожило во всех своих страшных подробностях.

Тогда оно обрушивается целиком — тяжёлой, неудержимой снежной лавиной, под которой невозможно вдохнуть, невозможно пошевелиться и невозможно спрятаться.

Всё началось зимой.

Настоящей зимой, о которой потом вспоминают спустя долгие годы. Сугробы поднимались почти до колен, искрясь под бледным зимним солнцем, мороз рисовал на оконных стёклах причудливые серебристые узоры, похожие на сказочные леса, а каждый вдох превращался в густое белое облако, медленно растворявшееся в прозрачном ледяном воздухе. По вечерам улицы заливал мягкий золотистый свет фонарей, отражавшийся в миллионах снежинок, и весь город казался необычайно тихим, словно укрытым огромным пушистым одеялом.

Именно в один из таких зимних дней десятый класс должен был собраться в районном Доме культуры.

Учителя напоминали об этом мероприятии почти всю неделю, повторяя одно и то же с неизменной настойчивостью. Для кого-то это было очередной скучной обязанностью, для кого-то — приятной возможностью уйти с последних уроков пораньше, однако большинство учеников относилось к происходящему с привычным безразличием, не видя особой разницы между школьным кабинетом и зрительным залом.

Больше всех переживала Воронцова.

Как староста класса, она воспринимала любое поручение с почти болезненной ответственностью и искренне считала своим долгом сделать всё возможное, чтобы пришли абсолютно все.

После уроков она устроилась за письменным столом. Перед ней лежал исписанный список одноклассников, рядом — телефон и раскрытая тетрадь с пометками. За окном медленно сгущались ранние зимние сумерки, крупные пушистые снежинки лениво кружились в холодном воздухе, а в комнате стояла уютная тишина, нарушаемая лишь непрерывными телефонными звонками.

Она набрала первый номер.

— Алло, привет. Ты завтра идёшь?

В трубке несколько секунд слышалось лишь слабое потрескивание связи.

— Алло?

Ответом стали короткие гудки.

Воронцова тяжело вздохнула и сразу же набрала следующий номер.

— Привет. Не забыл про Дом культуры?

Несколько секунд тишины.

Потом связь снова оборвалась.

Одни просто не брали трубку, другие мгновенно сбрасывали звонок, словно заранее знали, кто им звонит, а кто-то упрямо делал вид, будто не слышит настойчивой вибрации телефона.

К вечеру раздражение окончательно сменилось усталостью.

Воронцова молча сняла очки и медленно растёрла виски. От бесконечных разговоров пересохло горло, а голова стала тяжёлой, словно её набили влажным речным песком. Хотелось закрыть телефон, забыть обо всём и больше никому не звонить, но чувство ответственности вновь заставляло её открывать список и набирать следующий номер.

В итоге ответили только двое: Артём Глазов и Герман Семёнов. На первый взгляд их объединяло многое. Оба были круглыми отличниками, регулярно участвовали в олимпиадах, школьных концертах, конкурсах и различных мероприятиях, пользовались уважением учителей и редко доставляли кому-либо проблемы. Для педагогов они казались почти одинаковыми — спокойными, дисциплинированными и надёжными учениками, которых можно было ставить в пример всему классу. Однако сами ребята прекрасно понимали, насколько разными были их характеры. Они почти никогда не ссорились и не испытывали друг к другу неприязни, но настоящими друзьями так и не стали. Каждый их разговор почему-то заканчивался раньше, чем успевал начаться, словно между ними существовала невидимая стена, которую никто из двоих не решался разрушить. Словно они были намного ближе друг к другу чем им хотелось и каждый понимал, что уступать он не захочет. Дом культуры встретил их знакомым запахом старого лакированного дерева, влажной зимней одежды и дешёвых мандаринов, аромат которых почему-то неизменно сопровождал все новогодние праздники.

Посреди просторного фойе возвышалась высокая пушистая ель, почти касавшаяся верхушкой потолка. Её густые ветви переливались разноцветными гирляндами и стеклянными игрушками, отражавшими тёплый свет ламп, а под деревом аккуратными рядами лежали яркие подарочные коробки, перевязанные широкими атласными лентами. Как обычно, между ними повисла неловкая, почти осязаемая пауза. Герман неторопливо достал из кармана тёмного пуховика почти полную упаковку жвачки, несколько секунд повертел её в пальцах и, взглянув на Артёма, спокойно спросил:

— Будешь?

Артём отрицательно покачал головой.

— Спасибо. Не хочу.

Герман равнодушно пожал плечами, убрал подушечку обратно в упаковку и, не сказав больше ни слова, направился к концертному залу. Артём молча пошёл рядом, подстраиваясь под его размеренный шаг.

Иногда тишина, возникающая между людьми, оказывается тяжелее самого неприятного разговора, и именно такой она была сейчас. Оба хотели что-то сказать, оба чувствовали необходимость нарушить затянувшееся молчание, однако подходящих слов не находилось. Артём несколько раз мысленно начинал разговор, но всякий раз тут же отказывался от своей идеи.

«Как дела?»

Слишком банально.

«Ты видел новый спектакль?»

Глупо.

«Почему ты всё время жуёшь жвачку?»

Совсем нелепо.

Он украдкой посмотрел на Германа, но тот, словно почувствовав на себе взгляд, тоже медленно повернул голову. Их глаза встретились лишь на мгновение, однако Герман неожиданно задержал взгляд чуть дольше обычного, внимательно всматриваясь в лицо Артёма, будто бессознательно пытался запомнить каждую его черту.

От этого взгляда Артёму стало не по себе. Он уже открыл рот, собираясь наконец заговорить первым, но в этот момент их окликнул знакомый голос:

— Ребята!

У дверей стояла Раиса Константиновна.

Обычно спокойная, собранная и уверенная в себе, сегодня она выглядела непривычно растерянной и заметно уставшей. Её встревоженный взгляд беспокойно скользил по почти пустому коридору, словно она до последней секунды надеялась увидеть остальных учеников десятого класса. Однако коридор оставался безлюдным, а тишину нарушали лишь приглушённые голоса зрителей, доносившиеся из соседних помещений.

Увидев перед собой только двоих школьников, она медленно побледнела.

— Это... всё?

В её голосе не было ни раздражения, ни упрёка, ни привычной учительской строгости — только искреннее разочарование и глубокая усталость.

Ответить никто не успел.

Тяжёлые двери концертного зала распахнулись, и внутрь медленно потёк неторопливый поток зрителей. Люди проходили между ними, словно спокойное речное течение, постепенно разделяя их и унося каждого в свою сторону.

Раиса Константиновна ещё долго смотрела вслед своим единственным ученикам, испытывая странное чувство вины, хотя и сама не могла понять, перед кем именно чувствует себя виноватой.

Поднявшись по широкой мраморной лестнице на второй этаж, Артём и Герман вошли в концертный зал. Он оказался значительно просторнее, чем Артём помнил с детства. Высокий потолок растворялся в полумраке, тяжёлые бордовые портьеры величественно обрамляли сцену, а длинные ряды мягких кресел уходили далеко назад, теряясь в приглушённом свете. Однако зрителей оказалось настолько мало, что многочисленные пустые места сразу бросались в глаза.

Создавалось странное впечатление, будто огромный, торжественный зал просто проглотил людей, оставив лишь редкие островки негромких разговоров и приглушённого смеха. Раиса Константиновна проводила ребят взглядом и жестом указала на ряд, предназначенный для их параллели.

Ряд оказался почти пустым. Всего два свободных места.

Для двух человек.

Они молча сели рядом.

Между ними остался общий подлокотник, который никто не пытался занять, и эта почти незаметная мелочь почему-то делала повисшее между ними молчание ещё более ощутимым.

Постепенно разговоры в зале начали стихать. Где-то неподалёку тихо шуршали конфетные фантики, а с задних рядов доносился громкий треск: какой-то мальчишка безуспешно пытался открыть пачку сухариков. После каждого особенно громкого рывка несколько человек недовольно оборачивались в его сторону.

Герман едва заметно улыбнулся. Артём тоже не смог сдержать улыбку. Они одновременно хотели что-то сказать по этому поводу и так же одновременно промолчали.

Неожиданно Герман первым нарушил молчание:

— Сегодня спектакль по сказке.

Артём даже немного удивился.

— Знаю.

— Любишь сказки?

— Когда они хорошо поставлены.

— А если плохо?

Артём пожал плечами.

— Тогда становится смешно.

Герман тихо усмехнулся.

Наверное, это был самый долгий и самый естественный разговор между ними за последние несколько месяцев.

Постепенно свет в огромном зале начал медленно гаснуть, погружая зрителей в мягкий полумрак, а на ярко освещённую сцену шумной гурьбой выбежали дети, самому старшему из которых едва ли исполнилось двенадцать лет.

Главный герой забыл свою первую реплику уже через несколько секунд.

Из глубины зала немедленно раздался громкий женский шёпот:

— «И тогда лес ожил!»

Мальчик испуганно вздрогнул, быстро кивнул и поспешно повторил:

— И тогда... лес ожил!

По залу прокатилась волна добродушных улыбок. Судя по всему, постановщица искренне рассчитывала, что её подсказок никто не услышит, однако ошиблась: её голос звучал почти так же отчётливо, как голоса самих маленьких актёров.

Некоторые дети то и дело путались в словах, сбивались, растерянно переглядывались и начинали свои реплики сначала. Но никто не смеялся. Наоборот, в этой искренней детской неуклюжести ощущалось что-то удивительно настоящее, чего так часто не хватало взрослым людям.

Они не играли сказку.

Они действительно жили в ней.

Именно поэтому постепенно начинали верить и зрители.

Артём неожиданно поймал себя на том, что улыбается совершенно искренне, почти так же, как когда-то в детстве.

Пока главный герой искал волшебную птицу, а маленькая девочка старательно изображала снежную зимнюю выюгу, кружась по сцене в серебристом платье, Артём почти забыл, где находится.

Рядом неподвижно сидел Герман.

Он почти не двигался, не менял позу и лишь внимательно смотрел вперёд. Настолько внимательно, что Артёму в какой-то момент показалось, будто тот вовсе не следит за происходящим на сцене. Казалось, Герман был погружён в какие-то далёкие, тяжёлые мысли, существовавшие отдельно от спектакля, зала и окружающих людей.

Время тянулось удивительно медленно.

Спустя полчаса в зале стало заметно душнее. Кто-то позади начал негромко похрапывать, дети на сцене снова забыли текст, а постановщице вновь пришлось спасать представление своими громкими подсказками. Постепенно спектакль распадался на отдельные сцены и случайные эпизоды, теряя прежнюю цельность.

Артём почувствовал странную, вязкую усталость. Он бросил взгляд на часы.

Прошло всего тридцать пять минут. Ему же казалось, будто миновало не меньше двух часов. Он вновь украдкой посмотрел на Германа.

Тот сидел неподвижно, слегка нахмутив брови, и выражение его лица стало ещё более напряжённым, словно его мысли были гораздо тяжелее и тревожнее, чем можно было предположить по спокойному внешнему виду.

— Всё нормально? — шёпотом спросил Артём. Герман едва заметно вздрогнул, будто только сейчас вынырнул из глубоких, тревожных мыслей. — Да... наверное. Ответ прозвучал слишком тихо, почти неразличимо, словно он и сам не верил собственным словам.

Через несколько минут Артём понял, что больше не может сидеть. Хотелось размяться, выйти, вдохнуть морозный вечерний воздух. Он осторожно поднялся. Несколько зрителей недовольно проводили его хмурыми взглядами, будто покинуть зал раньше окончания спектакля было непростительным нарушением. Артём сделал вид, что ничего не заметил. Тяжёлая дверь бесшумно закрылась за его спиной.

Снаружи оказалось удивительно тихо. Лишь далёкие, приглушённые голоса едва слышно пробивались сквозь толстые стены. Длинные полутёмные коридоры Дома культуры встретили его неподвижной тишиной. Тусклый жёлтый свет старых ламп ложился на потёртый деревянный паркет неровными, дрожащими пятнами.

В высоких окнах отражалась морозная зимняя ночь. Артём медленно шёл вдоль стены, не торопясь возвращаться. Освежающая прохлада приятно остужала голову. Где-то далеко мерно тикали старые настенные часы. На короткое мгновение ему стало удивительно спокойно, словно весь шум, смех и разговоры навсегда остались за тяжёлой дверью концертного зала.

Он вспомнил, как в детстве приходил сюда с мамой на новогодние представления. Тогда Дом культуры казался ему огромным, почти сказочным дворцом. Те же самые коридоры были наполнены детским смехом, праздничной музыкой и запахом свежей хвои с сочными мандаринами. Теперь всё выглядело иначе. Будто само здание постарело. Даже воздух здесь стал холодным, неподвижным и каким-то неживым.

Туалет находился в самом конце длинного коридора. Старая дверь привычно протяжно скрипнула. Внутри никого не было. Только пронизывающий холод — вечный обитатель этого помещения. Белая кафельная плитка тускло поблёскивала под бледным светом единственной лампы. Из старого крана размеренно падали тяжёлые капли воды.

Кап.

Тишина.

Кап.

Снова вязкая, давящая тишина. Ледяная струя воды обожгла ладони. Артём умыл лицо и медленно поднял голову. Из мутного зеркала на него смотрел уставший подросток с потускневшим взглядом и тёмными кругами под глазами. Голос прозвучал настолько тихо, что сначала Артём решил, будто ему показалось. Но уже в следующую секунду он почувствовал на ухе горячее чужое дыхание и невольно вздрогнул всем телом. Незнакомец стоял вплотную, хотя ещё мгновение назад помещение казалось абсолютно пустым. Самым жутким было то, что Артём не слышал ни скрипа двери, ни осторожных шагов. Полумрак надёжно скрывал лицо незнакомца, превращая его в безликий, неподвижный силуэт. Бледный свет единственной лампы не достигал дальнего угла, растворяясь в густой темноте. Ответом стал сокрушительный удар. Что-то тяжёлое с чудовищной силой врезалось ему в лицо, и мир мгновенно потерял устойчивость. Не успев удержать равновесие, Артём плечом впечатался в холодную кафельную стену, а спустя мгновение получил второй удар — уже под рёбра. Воздух словно выбило из лёгких. Он судорожно попытался вдохнуть, но смог лишь беззвучно раскрыть рот.

Перед глазами плавали расплывчатые белые стены, а единственным отчётливым звуком оставалось монотонное падение капель из старого крана.

Кап.

Тишина.

Кап.

Новый удар. Именно молчание пугало сильнее самой боли. Казалось, его избивает не живой человек, а безликая тень, лишённая жалости, злости и любых человеческих чувств. Нападавший не ругался, не хрипел, не выдыхал после ударов. Он просто методично продолжал своё страшное дело.

Глава 2

Несмотря на то что спектакль продолжался, Герман почти не слышал происходящего на сцене. Детские голоса сливались в единый непрерывный шум, в котором невозможно было различить ни слов, ни интонаций. Кто-то из юных актёров снова забыл реплику, постановщица привычно подсказала её из глубины зала, зрители тихо засмеялись, но всё это словно происходило где-то далеко, за пределами его внимания. Герман сидел неподвижно, положив руки на подлокотники кресла, и время от времени бросал взгляд на пустующее соседнее место, где ещё недавно сидел Артём. Сначала его отсутствие не казалось странным: наверное, вышел в туалет или решил немного размяться. Сам Герман тоже иногда покидал подобные мероприятия, когда становилось слишком душно или скучно. Однако минуты проходили одна за другой, а кресло рядом по-прежнему оставалось пустым. На сиденье лежал телефон Артёма. Экран внезапно вспыхнул, осветив тёмный зал холодным голубоватым светом. Герман машинально потянулся к нему, но тут же остановился. Он не любил брать чужие вещи без разрешения, хотя любопытство всё же оказалось сильнее. Осторожно перевернув телефон экраном вверх, он всего лишь хотел посмотреть время. Без четверти восемь. Герман нахмурился. Артёма не было уже почти пятнадцать минут. «Долго...» — мелькнула тревожная мысль. Он попытался снова сосредоточиться на спектакле, но теперь совершенно не понимал, что происходит на сцене. Герои сказки бегали среди декораций, кто-то изображал лесных зверей, кто-то пел, однако всё это проходило мимо него. В груди постепенно нарастало беспокойство — не резкое и не паническое, а похожее на странное ощущение, когда вдруг перестаёшь чувствовать в кармане ключи от дома и ещё не знаешь, действительно ли потерял их или просто переложил в другое место. Он снова посмотрел на часы. Прошла ещё минута, потом другая, но Артём так и не вернулся. Герман поднялся настолько тихо, что сидевшая рядом пожилая женщина даже не заметила его ухода. Только Раиса Константиновна, стоявшая у входа в зал, проводила его вопросительным взглядом. Он виновато кивнул, показывая, что скоро вернётся, и осторожно прикрыл за собой дверь. За пределами концертного зала царила совершенно другая атмосфера. Если внутри ещё звучали музыка и детские голоса, то здесь их почти полностью поглощали толстые стены. Коридоры Дома культуры встретили Германа непривычной тишиной — не просто спокойной, а плотной, почти осязаемой. Старые лампы под потолком давали неровный жёлтый свет, из-за чего длинный коридор казался ещё более пустым. За высокими окнами давно стемнело, и стекло отражало лишь тусклые силуэты стен. — Тём? — негромко позвал Герман. Ответа не последовало. Он сделал несколько шагов вперёд. Деревянный пол тихо поскрипывал под ногами, и Герман остановился, прислушиваясь. Вокруг не было ничего, кроме далёкого шума спектакля. Он заглянул в гардероб, затем осторожно приоткрыл дверь буфета, но и там никого не оказалось. «Наверное, вышел на улицу», — попытался убедить себя Герман,

однако почти сразу отверг эту мысль. Артём никогда бы не ушёл, оставив телефон в зале, и именно эта деталь почему-то не давала ему покоя. Он ускорил шаг. Коридор постепенно становился темнее: несколько ламп не горели, и между освещёнными участками тянулись длинные полосы полумрака. Герман неожиданно поймал себя на том, что ему становится неуютно. Не из-за темноты — её он никогда особенно не боялся. Беспокоила сама тишина, слишком плотная и неестественная, словно огромное здание вдруг перестало дышать. В памяти неожиданно всплыли слова бабушки. Она часто говорила, что настоящая беда всегда приходит молча: перед грозой затихают птицы, перед метелью исчезает ветер, а перед несчастьем человек почему-то начинает прислушиваться к каждому шороху. Раньше Герман лишь смеялся над этими словами, но сейчас они сами возникли в памяти. Он остановился возле лестницы. Внизу никого не было, наверху тоже. Лишь старые часы где-то далеко размеренно отсчитывали секунды. Их тихий ход в этой пустоте казался почти громким. Даже собственное дыхание стало слышно слишком отчётливо. — Артём! — позвал Герман уже громче. Ответом снова была тишина. Он собирался вернуться в зал и попросить кого-нибудь помочь с поисками, когда ему вдруг показалось, будто из дальнего конца коридора донёсся какой-то звук. Настолько слабый, что его легко можно было принять за скрип старых труб. Герман замер и прислушался. Через мгновение звук повторился, став немного отчётливее. — ...помогите... Едва слышное слово почти сразу растворилось в пустом коридоре, но по спине Германа уже пробежал холодок. Все мысли исчезли, оставив только это тихое «помогите», которое продолжало звучать у него в голове. Он медленно пошёл на голос. Каждый следующий шаг давался тяжелее предыдущего, а сердце билось так сильно, что ему казалось — этот стук слышит всё здание. Коридор заканчивался поворотом, и именно оттуда доносились приглушённые стоны. Сделав глубокий вдох, Герман повернул за угол и застыл. Из темноты, держась рукой за стену, медленно выходил Артём. Вернее, человек, которого Герман сначала даже не узнал. Его лицо было разбито до неузнаваемости: под левым глазом стремительно наливался багровый синяк, из рассечённой губы тонкой струйкой стекала кровь, а правая щека опухла так сильно, что казалась вдвое больше обычной. Куртка была испачкана кровью и пылью, одна штанина заметно волочилась по полу. Артём сделал ещё несколько шагов и, едва увидев Германа, почти беззвучно прошептал: — Помоги...

У Германа перехватило дыхание. Несколько секунд он просто стоял, не в силах сделать ни шага. Перед ним был Артём, и одновременно казалось, что это совершенно другой человек. Лицо, которое Герман видел каждый день в школе, исчезло под синяками, кровоподтёками и засохшей кровью. Один глаз почти полностью заплыл, губы были разбиты, а по подбородку медленно стекали густые алые капли. — Тёма... — едва слышно произнёс Герман. Артём попытался что-то ответить, но вместо слов из груди вырвался лишь болезненный хрип. Он сделал ещё один неуверенный шаг и тут же потерял равновесие, поэтому Герман бросился вперёд и едва успел его подхватить. Только тогда он почувствовал, насколько Артём ослаб. Дело было не в весе — казалось, всё его тело стало тяжёлым и неподвижным, будто перестало слушаться. Он почти повис на Германе, судорожно цепляясь пальцами за рукав куртки. — Всё хорошо... всё будет хорошо, — торопливо проговорил Герман, сам не понимая, кого именно пытается успокоить. — Я здесь, слышишь? Сейчас всё исправят. Но даже ему самому эти слова казались пустыми и необидительными. Он осторожно усадил Артёма на пол, прислонив его спиной к холодной стене. Только теперь Герман заметил, что правая штанина пропиталась кровью, а нога лежит под неестественным углом. Его охватила дрожь. В голове вспыхнула страшная мысль: «А вдруг он умирает?» От неё стало трудно дышать. — Кто это сделал? — спросил он, почти переходя на крик. Артём медленно поднял взгляд. В его глазах не было ни злости, ни страха — только растерянность и полное непонимание происходящего. Он с трудом покачал головой. — Не... знаю... Герман крепко зажмурился. Такого просто не могло быть. Ещё полчаса назад они сидели рядом, молча спорили из-за подлокотника и смотрели детскую сказку. Мир казался скучным, предсказуемым и безопасным. Теперь этот мир исчез,

уступив место чему-то жестокому, непонятному и пугающему. — Нет... — тихо прошептал Герман. — Нет, такого не бывает... Он повторил эти слова ещё раз, уже почти беззвучно: — Не бывает... Но кровь на лице Артёма не исчезала. Она была настоящей, как и дрожь в собственных руках. Герман торопливо снял шарф и попытался приложить его к разбитой губе друга, однако Артём тихо застонал. — Прости... прости... Герман чувствовал себя совершенно беспомощным. Все знания, которые он когда-либо получал на уроках ОБЖ, словно исчезли. Он не знал, можно ли двигать Артёма, нужно ли пытаться поднять его или лучше оставить на месте. Любое решение казалось неправильным. Поэтому он просто остался рядом. — Сейчас я кого-нибудь позову. Он уже собирался бежать обратно в зал, когда Артём неожиданно схватил его за рукав. Слабо, почти без сил, но этого прикосновения оказалось достаточно, чтобы Герман остановился. — Не... уходи... Герман молча опустился рядом. — Не уйду. Некоторое время они сидели в полной тишине. Из-за стены по-прежнему доносились приглушённые голоса актёров. Судя по всему, спектакль подходил к концу: зрители хлопали, кто-то смеялся, а здесь, всего в нескольких десятках метров, жизнь словно остановилась. Герман впервые почувствовал настоящую несправедливость. Как люди могут спокойно смотреть представление, когда рядом произошло такое? Почему никто ничего не услышал? Почему никто не пришёл? Ответов не было. Он осторожно посмотрел на Артёма. Тот сидел с закрытыми глазами и тяжело дышал. Каждый вдох давался ему всё труднее. — Потерпи ещё немного, — прошептал Герман. Именно в этот момент дверь женского туалета тихо скрипнула. В коридор вышла пожилая уборщица с ведром и шваброй. Она недовольно ворчала себе под нос, пока не подняла голову. Ведро выпало из её рук, и вода мгновенно растеклась по полу. Несколько секунд женщина стояла неподвижно, не веря собственным глазам, а затем её лицо исказилось ужасом. — Господи... Крик, вырвавшийся из её груди, эхом прокатился по всему зданию. — Люди! Помогите! Скорее сюда! Её голос был настолько громким, что, казалось, задрожали даже стены. За дверьми концертного зала сразу послышалось движение. Кто-то вскочил с места, по коридору быстро застучали десятки шагов. Герман невольно прижал Артёма к себе, словно пытался защитить его от всего мира. Первой прибежала Раиса Константиновна. Увидев своих учеников, она застыла. Лицо её стремительно побледнело, губы задрожали. Она хотела что-то сказать, но не смогла — лишь медленно прикрыла рот ладонью. Следом появились ещё несколько взрослых. Кто-то уже вызывал скорую помощь, кто-то спрашивал, что произошло, кто-то пытался отвести детей подальше. Вокруг мгновенно поднялся шум. И только Герман продолжал сидеть рядом с Артёмом, крепко сжимая его холодную ладонь. Он почти не слышал чужих голосов, не замечал людей и не видел общей суеты. Перед глазами стояло только одно — разбитое лицо друга. И одна мысль, которая не переставала звучать в голове: «Если бы я вышел раньше... Если бы не ждал эти пятнадцать минут... Может быть, всё было бы иначе».

Сирены скорой помощи Герман почти не запомнил. Позже он ещё много раз пытался восстановить в памяти события того вечера, но всё смешивалось в один бесконечный поток лиц, голосов и яркого белого света. Отчётливо он помнил только одно — ладонь Артёма, которую не выпускал до тех пор, пока врачи не попросили его отойти. Фельдшеры появились удивительно быстро. Двое мужчин и молодая женщина с медицинской сумкой сразу опустились на колени рядом с Артёмом. Один осторожно придерживал ему голову, второй осматривал грудную клетку и повреждённую ногу, а женщина проверяла пульс, одновременно задавая вопросы, на которые никто не мог ответить. — Кто это сделал? В ответ повисло молчание. — Сколько времени прошло? Никто не знал. — Терял сознание? Герман хотел ответить, но понял, что не видел самого нападения. Он лишь отрицательно покачал головой. — Я нашёл его в коридоре... — наконец выдавил он. — Он... он сам вышел оттуда. Врач коротко кивнул. — Хорошо, что не стал его поднимать. Эти слова прозвучали как слабое утешение, хотя Герман прекрасно понимал: ничего особенного он не сделал. Он просто испугался настолько, что не решился лишний раз прикоснуться к другу. Артёма осторожно переложили на жёсткие носилки. Когда

их подняли, он едва слышно застонал и открыл глаза. Несколько секунд он растерянно смотрел на потолок, словно пытался понять, где находится, а затем его взгляд остановился на Германе. — Не... уходи... Герман сделал шаг вперёд. — Я здесь. Он попытался улыбнуться, но вместо этого губы лишь слегка дрогнули. — Всё будет хорошо. Теперь эти слова звучали ещё менее убедительно, чем раньше. Двери машины скорой помощи закрылись. Красные огни несколько раз мигнули в темноте, после чего автомобиль скрылся за поворотом. Только тогда Герман почувствовал, насколько сильно замёрз. Снег медленно кружился под светом фонарей, оседая на куртках собравшихся людей. Возле входа в Дом культуры стояли родители младших школьников, дети, сотрудники и полицейские. Все говорили одновременно, строили догадки и пересказывали слухи, которые успели появиться за последние несколько минут. — Наверное, хулиганы... — Может, ограбление... — Говорят, он сам с кем-то подрался... Каждая новая версия казалась Герману всё более нелепой. Ему хотелось закричать, чтобы все замолчали. Никто ничего не видел. Никто ничего не знал. И всё же каждый считал себя вправе делать выводы. Раиса Константиновна подошла к нему почти бесшумно. За несколько минут она словно постарела на несколько лет. — Герман... Он поднял голову. Учительница осторожно положила руку ему на плечо. — Ты молодец. Он не понял, за что именно его похвалили. За то, что нашёл Артёма? За то, что не ушёл? За то, что просто оказался рядом в нужный момент? Этого казалось слишком мало. Если бы он вышел раньше... Если бы не ждал эти пятнадцать минут... Эти мысли всё сильнее терзали его, не давая успокоиться. Мысли путались, а перед глазами снова и снова возникало лицо Артёма. В тот вечер Герман впервые понял, что чувство вины может быть почти таким же тяжёлым, как сам страх. Артём медленно пришёл в себя от приглушённых звуков вокруг. Сначала он не понимал, где находится. Сознание возвращалось постепенно: сначала появился тяжёлый гул в голове, затем ощущение боли во всём теле и только потом — слабый свет, пробивающийся сквозь закрытые веки. Он попытался пошевелиться, но тело словно стало чужим. Каждое движение отзывалось тупой болью. Когда он наконец открыл глаза, первым, что увидел, был белый потолок. За окном медленно падал снег. Крупные хлопья кружились в зимнем воздухе, оседая на карнизах и голых ветках деревьев. Казалось, весь мир продолжал жить своей обычной жизнью, пока он лежал здесь, прикованный к больничной кровати. Дверь палаты тихо открылась. Вошла пожилая медсестра — полная, румяная, с удивительно добрыми глазами. Она сразу заметила, что Артём проснулся. — Ну наконец-то, герой наш. Проснулся? Артём попытался ответить, но во рту было настолько сухо, что вместо слов вырвался лишь слабый хрип. Женщина тут же подошла к нему и подала стакан воды. — Не торопись. Пей маленькими глотками. Прохладная вода показалась ему необыкновенно вкусной. — Где... я? — наконец спросил он. — В областной больнице. Медсестра говорила спокойно, словно сообщала что-то совершенно обычное. Она проверила повязки, осмотрела капельницу и удовлетворённо кивнула. — Повезло тебе, парень. Очень повезло. Врачи тебя буквально по частям собирали. Артём машинально посмотрел на загипсованную ногу. Правая голень была надёжно зафиксирована массивной гипсовой повязкой, рука тоже оказалась перебинтована, а лицо неприятно стягивали пластыри. Он осторожно коснулся щеки и сразу поморщился от тупой ноющей боли. — Сильно досталось? — тихо спросил он. Медсестра ненадолго задумалась. — Сотрясение мозга, перелом ноги, несколько трещин и множество ушибов. Но жить будешь. Она тепло улыбнулась. — Молодой организм, крепкий. Почему-то эти слова совсем его не успокоили. Только теперь Артём понял, насколько тяжело ему даже просто лежать. Каждый вдох отзывался болью в груди, а любое движение сопровождалось глухим звоном в ушах. Через несколько минут дверь снова открылась. На этот раз в палату почти вбежала мама.

В палату почти вбежала мама. Волосы у неё растрепались, а на тёмном пальто ещё не успели растаять крупные снежинки. Увидев сына с открытыми глазами, она резко остановилась и несколько секунд просто смотрела на него, словно боялась поверить, что он действи-

тельно пришёл в сознание. Потом быстро подошла к кровати. — Тёмочка... Голос её дрогнул. Она осторожно погладила сына по волосам, и только теперь Артём заметил, насколько усталым стало её лицо. Под глазами залегли глубокие тени — наверное, она почти не спала. — Мам... Лишь сейчас он понял, как сильно соскучился по её голосу. Женщина улыбнулась, но улыбка получилась грустной и измученной. — Напугал ты меня... Очень напугал. Она старалась говорить спокойно, однако голос всё равно предательски дрожал. Артём отвёл взгляд. Ему вдруг стало стыдно — не за драку и не за больницу, а за то, что маме пришлось пережить всё это вместе с ним. В этот момент в палату снова заглянула медсестра. Она мельком посмотрела на Артёма, затем перевела взгляд на его мать. — Этот уже идёт на поправку, — уверенно сказала она и, опершись рукой на спинку кровати, добавила: — Но вашему сыну теперь придётся набраться терпения. Мама тревожно нахмурилась. — Что-то серьёзное? Медсестра тяжело вздохнула. — Перелом непростой, да ещё и сотрясение. Лечение займёт как минимум два месяца. Эти слова будто повисли в неподвижном воздухе палаты. Артём не сразу осознал их смысл. Он медленно повернул голову к окну, за которым всё так же спокойно падал снег. Казалось, жизнь продолжала идти своим чередом, тогда как его собственная внезапно остановилась. — Два месяца? — едва слышно переспросил он. — Если всё будет хорошо, может, немного меньше, — мягко ответила медсестра. — Но торопиться нельзя. Организму нужно время, чтобы восстановиться. Внутри всё болезненно сжалось. Перед глазами сразу возникли бесконечные больничные коридоры, одинаковые белые стены, одна и та же кровать и десятки похожих друг на друга дней. От этой мысли стало по-настоящему страшно. Мама сразу почувствовала его состояние. Она осторожно взяла сына за руку. — Главное, что ты жив. Всё остальное мы переживём. В её глазах блеснули слёзы. Артём посмотрел на неё и только сейчас понял, что для неё никакие два месяца не имеют значения. Главное — он жив. Главное — она может держать его за руку. Она наклонилась и осторожно поцеловала сына в лоб. — Поправляйся, мой хороший. Впервые за всё время Артём позволил себе расслабиться. Пусть ненадолго, пусть всего на несколько минут, но рядом была мама, а значит, самое страшное действительно осталось позади.

Прошло несколько дней с момента нападения, но для Артёма время словно потеряло привычный ход. Дни в больнице тянулись медленно и одинаково: утренние обходы врачей, лекарства, процедуры, разговоры медсестёр в коридоре и долгие часы, когда он просто лежал, глядя в потолок. Сначала ему казалось, что самое тяжёлое — это боль. Но постепенно он понял, что физические ощущения были далеко не самым страшным. К ним можно было привыкнуть. Намного сложнее оказалось смириться с ощущением беспомощности, когда ты вынужден лежать неподвижно и полностью зависишь от других людей. Раньше Артём никогда не задумывался о том, насколько много человек делает сам, даже не замечая этого. Встать с кровати, пройти по комнате, открыть дверь, взять кружку со стола — всё это казалось обычным и незначительным. Теперь даже самые простые действия требовали усилий и помощи. Мама приходила каждый день. Она приносила домашнюю еду, хотя врачи почти ничего не разрешали, рассказывала новости и старалась улыбаться, чтобы не показывать, как сильно переживает. Артём видел, что она устает, но никогда не жаловалась. Иногда они просто сидели молча. И в этой тишине было больше поддержки, чем в любых словах. Герман тоже приходил почти каждый день. Первые два раза Артём замечал, что друг ведёт себя странно. Он говорил меньше обычного, избегал смотреть ему в глаза и постоянно спрашивал, не нужно ли чего-нибудь принести. Сначала Артём не понимал, что происходит, но потом догадался. Герман винил себя. — Ты опять думаешь, что это из-за тебя? — однажды тихо спросил Артём. Они сидели в палате вдвоём. За окном медленно темнело, а свет от фонаря ложился на пол длинной полосой. Герман долго молчал. — Если бы я вышел раньше... Он не договорил. Артём посмотрел на него и впервые за долгое время почувствовал не боль и не раздражение, а жалость. — Глупый ты, Гер. — Почему? — Потому что ты думаешь, будто мог всё изменить. Герман опустил

взгляд. — Я сидел рядом. Я должен был заметить. — Ты не мог заметить то, чего не видел. Эти слова прозвучали просто, но именно они почему-то задели сильнее всего. — Я оставил тебя одного, — тихо сказал Герман. Артём покачал головой. — Нет. Ты нашёл меня. В палате снова стало тихо. Герман ничего не ответил, но впервые за несколько дней его лицо немного расслабилось. Артём понимал, что друг всё ещё будет винить себя. Возможно, ещё долго. Но хотя бы сейчас он перестал пытаться убедить его в том, чего сам уже не мог изменить. За эти дни полиция несколько раз приходила в больницу. Они задавали одни и те же вопросы: где был Артём, кого он видел, что произошло перед нападением. Но ответов почти не было. Он помнил только отдельные обрывки. Самое страшное заключалось даже не в том, что он не мог вспомнить нападавшего. Страшнее было другое: тот человек всё ещё оставался неизвестным. Где-то среди обычных людей находился тот, кто сделал это с ним. И никто не знал, почему. Однажды вечером, когда палата погрузилась в полумрак, Артём долго смотрел в окно. Снег уже почти растаял, оставив на стекле лишь редкие капли воды.

Глава 3. Артём

Утро наступило неожиданно. Артёму показалось, что он только закрыл глаза, как палату уже залил холодный зимний свет. Где-то совсем рядом хлопнула дверь, и почти сразу послышались размеренные шаги. Они приближались неторопливо, но уверенно, словно человек заранее знал свой маршрут и повторял его каждое утро.

Дверь распахнулась. На пороге появилась дежурный врач — невысокая женщина лет пятидесяти с идеально застёгнутым белым халатом и аккуратно собранными волосами. Она выглядела настолько бодрой, будто вовсе не ложилась спать.

— Подъём, молодые люди, — произнесла она с доброжелательной улыбкой, казавшейся слишком жизнерадостной для половины седьмого утра. — Сегодня плановый осмотр.

Нечаев недовольно застонал и натянул одеяло на голову.

— Ещё пять минут...

— Эти пять минут ты просишь каждое утро.

— Потому что каждое утро начинается слишком рано.

Врач лишь с лёгкой улыбкой покачала головой.

— Через пятнадцать минут жду обоих готовыми.

Когда дверь закрылась, Артём тяжело выдохнул. Он никогда не думал, что можно устать ещё до того, как окончательно проснёшься. Попытавшись приподняться, он сразу почувствовал знакомую боль. Она уже не была такой острой, как вчера, но всё ещё напоминала о себе при каждом движении. Голова слегка кружилась, а правая нога словно стала тяжелее в несколько раз. Осторожно сев на кровати, он почувствовал, как мир вокруг качнулся. Пришлось несколько секунд неподвижно сидеть, крепко держась за край матраса.

— Первый раз всегда так, — сказал Нечаев, уже окончательно проснувшись. — Через пару дней привыкнешь.

— Ко всему здесь привыкают?

— Почти.

Он широко зевнул.

— Кроме ранних подъёмов.

Через несколько минут Артёму впервые разрешили пересест в кресло-каталку. Медбрат осторожно помог ему опустить ноги и поддержал за плечо. Всего несколько шагов от кровати до кресла показались настоящим испытанием. Стоило перенести вес на здоровую ногу, как всё тело пронзила резкая боль, а перед глазами на мгновение потемнело.

— Не торопись, — спокойно сказал медбрат. — Здесь никто никуда не бежит.

Эта простая фраза почему-то запомнилась Артёму сильнее остальных. Действительно, здесь никто не спешил. Время в больнице текло совсем иначе — не по школьному расписанию, а по обходам, уколам, процедурам и приёмам пищи.

Коридоры казались бесконечными. Белые стены, серый линолеум и одинаковые двери тянулись одна за другой, будто повторяясь снова и снова. Из открытых палат доносились приглушённые разговоры, где-то негромко работал телевизор, навстречу время от времени попадались пожилые пациенты, неспешно прогуливавшиеся вдоль стен. Некоторые здоровались, и все выглядели так, словно уже давно стали частью этого места.

Артём же чувствовал себя здесь чужим. Он крепче сжал ободья колёс и медленно покатил кресло вперёд. Оказалось, управлять им совсем непросто: коляска постоянно уходила в сторону, её заносило на поворотах, а руки быстро начали уставать.

— Не гоняй, — усмехнулся Нечаев. — Здесь «Формулы-1» не проводят.

— Очень смешно.

— Потом научишься.

И действительно, спустя несколько кругов Артём уже увереннее управлял креслом, хотя ладони неприятно горели от постоянного трения.

После осмотра их отпустили завтракать. Едва они приблизились к столовой, Артём почувствовал запах свежей выпечки. Тёплый, сладковатый аромат неожиданно напомнил ему детство, когда мама по воскресеньям вставала раньше всех и пекла булочки с корицей, а впереди были только каникулы, игры во дворе и книги, которые можно было читать до поздней ночи.

Он невольно улыбнулся.

— Пахнет вкусно.

— Это ловушка, — совершенно серьёзно ответил Нечаев.

— Почему?

— Потому что запах всегда вкуснее самого завтрака.

Через несколько минут Артём убедился, что сосед почти не преувеличивал. Булочка оказалась вполне съедобной, а вот каша снова вызвала у Нечаева трагический вздох.

— Они специально каждый день её варят.

— Чтобы мы быстрее выздоровели?

— Чтобы мы быстрее захотели домой.

Артём тихо рассмеялся. Ему нравилось, что сосед умел находить повод для шутки почти в любой ситуации. Наверное, без такого человека больничные дни действительно тянулись бы бесконечно.

После завтрака начались процедуры: измерение давления, осмотр, перевязка, рентген. Каждый кабинет пах по-своему: где-то лекарствами, где-то спиртом, где-то свежей краской. К середине дня Артём чувствовал себя совершенно разбитым. Вернувшись в палату, он молча лёг на кровать и закрыл глаза. Казалось, организм устал не столько физически, сколько от бесконечной череды новых впечатлений.

Некоторое время Нечаев молча листал что-то в телефоне, потом неожиданно заговорил:

— Знаешь...

— Что?

— Ты всё время думаешь об этом, да?

Артём не сразу понял.

— О чём?

— О том вечере.

Он не ответил. Молчание оказалось красноречивее любых слов.

— Не получится забыть сразу, — тихо продолжил Нечаев. — Но однажды станет легче.

Артём посмотрел в окно.

— А если нет?

Нечаев пожал плечами.

— Тогда научишься жить с этим.

Эти слова прозвучали удивительно взросло. Наверное, каждый человек, оказавшийся в больнице, однажды приходил именно к такому выводу.

Ближе к вечеру палата снова погрузилась в привычную тишину. За окном медленно сгущались зимние сумерки. На территории больницы зажглись фонари, и их тёплый жёлтый свет отражался в свежем снегу, окрашивая его в золотистые оттенки.

Артём долго наблюдал за прохожими. Каждый куда-то спешил: кто-то нёс тяжёлые пакеты с продуктами, кто-то держал ребёнка за руку, кто-то просто торопился домой. И вдруг он понял, что страшнее самой боли оказалось совсем другое — беспомощность. Осознание того, что сейчас он не может самостоятельно выйти на улицу, добраться до дома или даже без посторонней помощи подняться по лестнице.

Раньше свобода казалась ему чем-то таким же естественным, как воздух. Её начинаешь ценить только тогда, когда теряешь.

Впереди ждали долгие недели лечения, реабилитация, учёба, которую придётся догонять, и неизвестность, связанная с человеком, напавшим на него в тёмном туалете Дома культуры.

Кто он? Ответов пока не существовало. Но где-то глубоко внутри Артём чувствовал, что эта история ещё не закончилась. Она только начиналась.

Глава 4. Герман

Герман не спал почти всю ночь. Он лежал на спине, глядя в потолок, и снова и снова прокручивал в голове один и тот же вечер. Стоило закрыть глаза, как перед ним возникали длинный полутёмный коридор Дома культуры, разбитое лицо Артёма и тот тихий, почти беззвучный шёпот: «Помоги». Каждый раз он вздрагивал и открывал глаза, будто надеялся убедиться, что всё это было дурным сном. Но комната оставалась прежней: бледный свет уличного фонаря на стене, шкаф у окна, тёмный силуэт письменного стола и часы, мерно отсчитывающие секунды.

Он никогда раньше не замечал, насколько громко могут идти часы ночью.

Под утро Герман всё-таки задремал, но сон оказался коротким и тяжёлым. Ему приснилось, что он снова сидит в концертном зале, а Артём выходит в коридор. Герман хочет подняться следом, но не может — кресло будто намертво приковало его к месту. Он пытается закричать, позвать, предупредить, но из горла не вырывается ни звука. Потом зал медленно пустеет, гаснет свет, и где-то далеко снова слышится: «Помоги».

Герман проснулся резко, с ощущением, будто действительно бежал куда-то всю ночь.

За окном уже светало. Снег продолжал идти — мелкий, колючий, настоящий декабрьский снег. На подоконнике стояла роза, которую несколько дней назад подарила соседка. За всей этой суетой он совершенно забыл её полить, и лепестки поникли, потемнели и начали осыпаться.

Герман машинально поднял один из них. Тот рассыпался в пальцах сухой пылью.

— Вот и всё, — тихо сказал он сам себе.

Эта мысль почему-то показалась ему удивительно похожей на вчерашний вечер: ещё совсем недавно всё было живым, обычным, привычным, а теперь вдруг стало хрупким и необратимо испорченным.

В школу он собирался почти автоматически. Надел форму, застегнул куртку, взял рюкзак — и только у двери понял, что всё это время ни о чём не думал. Голова была пуста, словно после сильной температуры. Осталось лишь ощущение движения: идти потому, что нужно идти.

На улице пахло снегом и дымом из частных домов. Люди спешили на работу, дети тащили санки, кто-то уже нёс домой ёлку. Герман смотрел на них и не понимал, как мир может выглядеть таким обычным после того, что произошло вчера.

В школе, к его удивлению, почти никто ничего не знал. Предновогоднее настроение окончательно победило дисциплину. Учителя думали о контрольных, отчётах и грядущих каникулах, ученики — о подарках и свободе. Отсутствие одного человека в классе никого особенно не удивило.

— Гера, лови!

Пенал ударил его прямо в плечо. Герман машинально поймал его и поднял глаза. Через проход ухмылялся Костя Миненков.

— Давай сюда! — крикнул он.

Рядом сидел Лёша Крамеров — настоящий хозяин пенала, который выглядел так, будто давно смирился с происходящим. Обычно в подобных ситуациях Артём первым прекращал эти игры — спокойно, без крика, но так, что спорить уже никому не хотелось. Сегодня его не было, и это ощущалось слишком сильно.

Герман молча протянул пенал Лёше. Тот благодарно кивнул, но Миненков тут же снова попытался его выхватить. В классе поднялся привычный шум. Раньше Герман считал такие сцены раздражающими. Теперь они казались почти уютными.

На первом уроке русичка, как обычно, вызвала его к доске.

— Герман, раз остальные молчат, спасай класс.

Обычно он отвечал легко, почти не задумываясь. Но сегодня слова путались. Он несколько раз перепутал термины, сбился на середине объяснения и замолчал, пытаясь вспомнить очевидную вещь.

Учительница удивлённо подняла брови.

— На тебя не похоже.

Она поставила тройку и уже мягче добавила:

— Ты можешь лучше.

Герман кивнул и вернулся на место.

«Могу лучше».

Эти слова вдруг прозвучали почти как обвинение.

На большой перемене его окликнули у столовой. Он обернулся так резко, что едва не расплескал компот.

Раиса Константиновна стояла у окна и выглядела ещё более уставшей, чем вчера. Рядом с ней возвышался широкоплечий мужчина лет тридцати пяти с короткой щетиной и совершенно растерянным выражением лица.

— Герочка, — начала она неожиданно мягко, — ты ведь поедешь навестить Тёму?

Сердце у Германа неприятно дёрнулось.

— Конечно.

— Вот и хорошо.

Она быстро взяла у мужчины пакет и протянула его Герману. Изнутри пахло мандаринами и яблоками.

— Передай ему, пожалуйста. И скажи, что весь класс переживает.

Герман не стал уточнять, что класс пока почти ничего не знает.

— А мой сыночек тебя отвезёт, — добавила она с такой гордостью, будто представляла как минимум космонавта.

Мужчина рядом заметно покраснел. При росте под два метра и с такой комплекцией слово «сыночек» звучало особенно неожиданно.

— Мам... — устало пробормотал он.

— Что «мам»? Для меня ты всё равно сыночек.

Герман впервые за всё утро едва заметно улыбнулся. Мужчина поймал его взгляд и обречённо вздохнул.

— Пойдём, пока она ещё что-нибудь не придумала.

— Шапку надень! — тут же скомандовала Раиса Константиновна.

Он послушно натянул на лысеющую голову ярко-розовую вязаную шапку. Зрелище оказалось настолько неожиданным, что Герман невольно рассмеялся.

— Вот видишь, — победно сказала Раиса Константиновна. — Совсем другой человек.

— Угу, — буркнул её «сыночек». — Клоун районного масштаба.

Но шапку снимать не стал.

Дорога до областной больницы заняла почти сорок минут. Снег всё усиливался, и старенькая «Нива» с трудом пробиралась через рыхлые сугробы. Дворники размеренно скребли

по стеклу, оставляя за собой две чистые дуги, которые почти сразу снова затягивались белой пеленой.

Борис вёл машину спокойно и уверенно. Было заметно, что к зимним дорогам он привык. Лишь изредка он тихо ворчал, когда очередной водитель резко перестраивался прямо перед ним.

— Каждый год одно и то же. Стоит выпасть снегу, и половина людей будто впервые увидела зиму.

Герман едва заметно улыбнулся. Разговаривать не хотелось. Он смотрел в окно, где медленно проплывали серые пятиэтажки, заснеженные остановки, магазины с новогодними гирляндами и прохожие, спешившие домой с пакетами. Почти у каждого в руках торчали зелёные ветви ели или сосны.

Совсем скоро Новый год. Совсем скоро все будут смеяться, запускать фейерверки, поздравлять друг друга, а Артём встретит праздник в больничной палате.

Борис словно почувствовал его настроение.

— Сильно досталось другу?

Герман не сразу ответил.

— Очень.

— Найдут того, кто это сделал.

— Хотелось бы...

Ответ прозвучал слишком тихо, и Борис больше вопросов не задавал. Иногда молчание помогает лучше любых разговоров.

Областная больница встретила их высоким серым зданием и длинной аллеей, занесённой снегом. У входа уже толпились посетители. Кто-то держал пакеты с домашней едой, кто-то — цветы, кто-то нетерпеливо разговаривал по телефону.

Внутри было жарко. Сразу ударил знакомый запах лекарств, хлорки и столовой.

— Паспорт есть? — спросил охранник.

Герман молча протянул школьный билет. Тот долго изучал фотографию, после чего кивнул:

— Первый этаж. Пост регистрации.

Там их ожидало новое испытание. Полноватая женщина в белом халате внимательно осмотрела пакет с фруктами.

— Что несёте?

— Апельсины... яблоки...

— Показывайте.

Она начала доставать содержимое по одному. Герман напряжённо следил за каждым её движением. Когда женщина потянулась за ножом, сердце неприятно кольнуло.

— Не надо резать...

— Почему?

— Их учительница передала...

— Правила есть правила.

Герман неожиданно сделал шаг вперёд.

— Пожалуйста.

Он сказал это так искренне, что женщина остановилась и несколько секунд молча смотрела ему в глаза. Потом тяжело вздохнула.

— Ладно. Первый раз пропускаю без проверки. Только больше так не просите.

Она аккуратно сложила фрукты обратно.

— Спасибо...

Герман облегчённо выдохнул.

Следующим препятствием стали бахилы. Автомат категорически не хотел принимать мятые десятирублёвые купюры, и только после четвёртой попытки пластиковая капсула наконец упала вниз.

— Повезло, — усмехнулся Борис.

Они переобулись и направились дальше.

Коридоры больницы казались бесконечными. Даже свет здесь был каким-то белым и холодным, а время словно замедлялось. Издалека доносился звон металлических тележек, где-то плакал маленький ребёнок, медсёстры быстро проходили мимо, почти не замечая посетителей.

Герман всё сильнее нервничал. Он понимал, что совсем скоро увидит Артёма, но совершенно не представлял, что скажет ему первым.

«Привет?»

«Как ты?»

Слишком банально.

«Прости?»

Но за что? Ведь ни в чём не виноват. Мысли путались. Наконец они поднялись на нужный этаж.

— Дальше сам? — спросил Борис.

— Да.

— Я подожду в машине.

— Спасибо.

Борис хлопнул его по плечу.

— Не задерживайся слишком долго.

Герман кивнул и пошёл по длинному коридору. Каждый шаг отдавался глухим эхом. Номер палаты он запомнил сразу — двести шестая. Оставалось пройти всего несколько десятков метров, но именно сейчас ноги вдруг стали тяжёлыми, будто сами отказывались идти дальше. Возле окна сидела пожилая женщина в инвалидном кресле. Она вязала шерстяной носок и тихо напевала какую-то старую песню. Проходя мимо, Герман невольно замедлил шаг. Женщина подняла голову.

— К другу идёшь?

— Да.

Она понимающе улыбнулась.

— Не бойся. Больным больше всего нужна не жалость. Им нужен человек рядом.

Эти простые слова почему-то действовали сильнее любых наставлений взрослых. Герман тихо поблагодарил её и пошёл дальше. Теперь дверь палаты была совсем рядом. За ней находился Артём. Герман перехватил пакет поудобнее, сделал глубокий вдох и попытался успокоиться. Сердце билось так громко, что казалось, его слышит весь этаж. Он осторожно коснулся холодной металлической ручки, на секунду закрыл глаза и медленно открыл дверь. Дверь открылась почти бесшумно. Палата встретила Германа непривычной тишиной. Казалось, даже часы здесь шли медленнее, чем в остальной больнице. Из окна лился холодный зимний свет, окрашивая стены в бледно-голубой оттенок. За стеклом медленно кружился снег, а редкие машины во дворе лишь изредка нарушали неподвижность. Первым, кого увидел Герман, был Артём. Он лежал на кровати, отвернувшись к окну. Правая нога была в гипсе, голова перебинтована, а на лице всё ещё оставались следы недавних побоев. Синяки начали желтеть по краям, но от этого выглядели не менее страшно. Один глаз был слегка припухшим, губа рассечена, а на скуле темнела большая гематома. На мгновение Герман замер.

Вчера, в полумраке больничного коридора, он видел только кровь и опухшее лицо друга. Сейчас же последствия избиения предстали перед ним во всей своей беспощадной правде. Ему стало трудно дышать. Он невольно сжал ручки пакета так сильно, что яблоки внутри тихо

ударилась друг о друга. Артём повернул голову. Несколько секунд оба молча смотрели друг на друга. Потом Артём улыбнулся.

Именно эта слабая улыбка неожиданно успокоила Германа сильнее любых слов.

— Привет, — тихо сказал Артём.

— Привет...

Голос предательски дрогнул. Герман быстро подошёл к кровати и поставил пакет на тумбочку.

— Раиса Константиновна передала.

— Знал, что она что-нибудь пришлёт.

— Ещё сказала, чтобы ты скорее поправлялся.

Артём едва заметно усмехнулся.

— Передай ей, что стараюсь.

Они снова замолчали. Каждый понимал, что хочется сказать гораздо больше, но нужные слова почему-то никак не находились.

Тишину нарушил сосед Артёма. Нечаев, до этого мирно игравший в телефон, приподнялся на локте и с интересом посмотрел на гостя.

— Так это ты тот самый Герман?

— Наверное.

— Я Нечаев. Сергей.

— Очень приятно.

— А мне про тебя уже все уши прожужжали.

Артём тихо рассмеялся.

— Не слушай его.

— Почему?

— Он любит преувеличивать.

— Неправда, — возмутился Нечаев. — Я вообще человек исключительно честный.

Он театрально приложил ладонь к груди.

— Просто иногда фантазия работает быстрее языка.

В палате впервые за несколько дней прозвучал настоящий смех. Даже Артём, забыв о боли, рассмеялся по-настоящему.

Герман почувствовал, как напряжение постепенно отпускает. Всё оказалось не так страшно, как он представлял по дороге сюда.

Он осторожно присел на край кровати.

— Как ты?

Артём пожал плечами.

— Уже лучше.

Хотя оба понимали, что это неправда.

Под глазами у него залегли глубокие тени, движения давались с трудом, а каждое изменение положения тела сопровождалось едва заметной гримасой боли. Но жаловаться он не собирался. Это было совсем не в его стиле.

— В школе скучно без тебя, — сказал Герман.

— Настолько?

— Настолько.

Он рассказал о тройке по русскому, о бесконечных разговорах перед каникулами, о том, как Миненков снова устроил перестрелку пеналами и как учителя уже мысленно отдыхают больше, чем работают.

Артём слушал внимательно.

Ему было важно услышать хоть что-нибудь о привычной жизни.

Больница словно существовала в другом мире. Здесь всё подчинялось расписанию: процедуры, уколы, таблетки, обходы. А там, за её стенами, продолжалась настоящая жизнь — школа, одноклассники, обычные разговоры и привычные заботы.

Артём вдруг понял, как сильно скучает по самым простым вещам: по шумным переменам, запаху школьной столовой и возможности просто выйти на улицу и идти куда хочется.

— А знаешь... — неожиданно сказал он. — Я раньше никогда не думал, что можно скучать по школе.

— Я тоже.

Оба рассмеялись.

Нечаев лишь недоверчиво покачал головой.

— Странные вы люди.

Герман достал из пакета толстый учебник.

— Я принёс русский язык.

Артём посмотрел на книгу с недоверием.

— Уже?.

— Даже отсюда не дают спокойно поболеть...

— Учительница просила передать, что потом объяснит всё, что пропустишь.

Артём благодарно кивнул. Ему было приятно знать, что о нём не забыли. Пусть даже это выразалось в домашнем задании.

За окном начинало темнеть. Белый снег постепенно приобретал синеватый оттенок. В коридоре слышались шаги медсестры. До окончания посещений оставалось совсем немного времени. Герман посмотрел на часы. Как быстро пролетело время. Казалось, он только вошёл в палату.

— Я завтра ещё приду, — тихо сказал он.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда буду ждать.

Герман протянул руку. Артём крепко пожал её.

Это было простое рукопожатие, но сейчас оно значило намного больше любых обещаний.

Пока они молча смотрели друг на друга, каждый понимал одну простую вещь: что бы ни произошло дальше, теперь никто из них уже не останется один. Именно тогда Герман окончательно решил, что обязательно найдёт человека, который избил Артёма. Эта мысль была ещё смутной, незрелой, но она уже появилась.

Глава 5

Лишь утром медсестра, меняя повязку, спокойно сообщила, что почти сутки он провёл в реанимации.

— Организм молодой, — сказала она так буднично, будто говорила о погоде. — Поэтому восстановление идёт быстрее, чем мы ожидали.

Слово «повезло» прозвучало неожиданно. Артём машинально коснулся пальцами бинта на голове. Правая нога была закована в тяжёлый гипс, лицо ломило после каждого движения, а любое неосторожное усилие отзывалось тупой болью во всём теле. В такие минуты трудно было поверить в собственное везение, однако где-то глубоко внутри он понимал: женщина права. Всё действительно могло закончиться иначе.

Эта мысль пугала гораздо сильнее самих травм.

Утренний обход закончился быстро. Не успел Артём окончательно проснуться, как возле кровати уже остановилась каталка, а две санитарки принялись осторожно пересаживать его в инвалидное кресло. Он по привычке попытался подняться самостоятельно, но стоило перенести вес на больную ногу, как сустав будто пронзило раскалённым металлическим стержнем. Перед глазами мгновенно потемнело, дыхание сбилось, а руки сами вцепились в край кровати.

— Не геройствуй, — мягко остановила его пожилая санитарка. — Своё ещё набегаешь. Её спокойная улыбка немного успокоила.

Через несколько минут кресло уже медленно катилось по длинному коридору. Скрип старых колёс сначала раздражал Артёма, однако постепенно стал частью окружающей тишины, которую время от времени нарушали только звон медицинских инструментов, негромкие переговоры персонала и мерное постукивание каблучков по кафелю.

Поначалу ему казалось, что все без исключения смотрят именно на него: каждый проходящий врач, каждая медсестра, каждый пациент. Ему было неловко сидеть в кресле, которое словно подчёркивало собственную беспомощность, однако это ощущение быстро исчезло. Очень скоро стало ясно, что больница живёт по собственным законам: никто не задерживал взгляд на чужой беде дольше нескольких секунд. Люди спешили по своим делам — кто-то направлялся на обследование, кого-то везли после операции, кто-то возвращался с процедур. Чужая боль давно стала частью привычного распорядка, а потому перестала вызывать удивление.

День оказался бесконечной чередой кабинетов. Рентген сменялся перевязочной, затем следовал осмотр травматолога, после которого его отправляли к неврологу, а затем — на очередное обследование. В каждом помещении пахло одинаково: спиртом, лекарствами и холодным металлом медицинских инструментов. Врачи задавали почти одни и те же вопросы, терпеливо проверяли реакцию зрачков, просили пошевелить пальцами рук, интересовались

самочувствием, и к середине дня Артём отвечал уже автоматически, почти не задумываясь над смыслом сказанного.

Гораздо сильнее физической усталости навалилась усталость душевная. Ему хотелось лишь одного — вернуться в палату, закрыть глаза и хотя бы ненадолго остаться наедине с собственными мыслями.

Обратную дорогу Артём решил преодолеть самостоятельно. Санитарка лишь объяснила, в какую сторону следует ехать, после чего, пожелав удачи, скрылась за дверью процедурного кабинета. Впервые за всё время пребывания в больнице он остался один посреди длинных, бесконечно похожих друг на друга коридоров.

Инвалидное кресло оказалось куда менее послушным, чем представлялось со стороны. Стоило сильнее надавить одной рукой, как оно начинало уходить в сторону, а если, наоборот, ослабить движение, колёса почти мгновенно останавливались. Несколько раз Артём едва не врезался в стены, затем слишком широко вошёл в поворот и чуть не зацепил тележку с лекарствами, которую толкала молоденькая медсестра. Он смущённо извинился и продолжил путь уже гораздо медленнее.

Через несколько минут неловкость сменилась любопытством. Больница, которую вчера он видел лишь сквозь полузабытьё, постепенно открывалась совсем с другой стороны. За каждой дверью скрывалась чья-то история — иногда радостная, но гораздо чаще тяжёлая. Из одной палаты доносился детский смех, из соседней — негромкий разговор врача с родственниками пациента, а возле поста медсестёр кто-то искренне благодарил персонал за спасённую жизнь.

Сам того не заметив, Артём свернул не туда. Коридор закончился небольшой столовой, где уже накрывали столы к обеду. Запах свежей выпечки, горячего супа и сладкого компота неожиданно напомнил ему школьную столовую. Когда-то он относился к ней с равнодушием, а теперь поймал себя на мысли, что готов многое отдать за возможность простоять длинную очередь вместе с одноклассниками, споря о какой-нибудь ерунде.

Он тихо усмехнулся собственным мыслям и развернул кресло обратно. Лишь спустя несколько минут ему удалось найти знакомую палату.

Нечаев сидел на кровати, поджав ноги, и сосредоточенно смотрел в экран телефона.

— Ну что, исследователь? — спросил Нечаев, даже не поднимая головы. — Уже успел потеряться?

— Почти.

— Здесь все сначала блуждают. Потом начинаешь ориентироваться лучше врачей.

Артём поставил кресло возле своей кровати и с облегчением пересел обратно. Несколько секунд он просто сидел молча, наслаждаясь тем, что наконец никуда не нужно ехать.

В палате стало необычайно тихо. Именно тогда взгляд Артёма остановился на телефоне, который лежал на тумбочке. Он почти забыл о нём. Аппарат оказался совсем не похож на тот, которым пользовался Герман в школе. Старенький, но идеально ухоженный телефон производил впечатление вещи, к которой хозяин относился с особой бережностью. На корпусе почти не было царапин, а экран оставался удивительно чистым. Рядом по-прежнему лежала записка. Артём медленно развернул её.

Почерк Германа невозможно было спутать ни с чьим другим. Аккуратные, немного вытянутые буквы словно были выведены по линейке.

«Прости за телефон. Твой пока в ремонте. Пользуйся моим столько, сколько понадобится. Если станет скучно или понадобится помощь — просто позвони.»

Ниже стоял номер, хотя записывать его вовсе не требовалось. Артём знал эти цифры наизусть. Сколько раз они созванивались после уроков, обсуждали домашнее задание, спорили о книгах или договаривались встретиться в выходные. Теперь привычная комбинация цифр вдруг показалась какой-то необыкновенно далёкой.

Он долго смотрел на экран. Большой палец уже коснулся кнопки вызова, но звонок так и не состоялся. Разве можно просить человека бросить все дела только потому, что тебе одиноко? Эта простая мысль неожиданно показалась слишком тяжёлой. Артём медленно заблокировал телефон и положил его обратно.

В палате вновь воцарилась тишина, которую лишь изредка нарушали короткие звуки игры, доносившиеся с соседней кровати. Нечаев наконец заметил задумчивый взгляд соседа.

— Никогда не играл?

— Во что?

— Да хоть во что-нибудь.

Артём покачал головой.

— Почти нет.

— Тогда сейчас исправим.

Он без лишних слов протянул свой телефон. На экране уже была запущена игра.

Пустыня, раскалённое солнце. Два всадника стремительно мчались между скалами, а позади поднимались клубы пыли — их преследовали вооружённые бандиты.

— Газуй! — азартно командовал Нечаев. — Теперь налево! Нет, левее! Прыгай через овраг!

Первые минуты Артём только ошибался. Лошадь постоянно врзалась в камни, герой падал, а игра начиналась заново. Нечаев смеялся так искренне, что вскоре не выдержал и сам Артём.

Они начали играть вместе. Теперь один управлял движением, другой подсказывал маршрут. Виртуальная погоня неожиданно захватила обоих. На несколько коротких минут исчезли больничные стены, перестал существовать гипс, а ноющая боль словно растворилась где-то далеко за пределами палаты.

Остались только двое мальчишек, которые с одинаковым азартом пытались уйти от преследования среди бескрайних песков Дикого Запада.

Именно в этот момент Артём впервые после нападения поймал себя на мысли, что всё ещё способен смеяться. А значит, вместе со способностью радоваться понемногу возвращалась и надежда, что однажды привычная жизнь обязательно станет прежней.

Утро наступило неожиданно. Проснувшись, Артём несколько секунд неподвижно смотрел в белый потолок, не понимая, где находится. Сознание ещё не успело окончательно проснуться, поэтому знакомая комната исчезла так же быстро, как исчезают сны после пробуждения. Лишь холодный свет люминесцентной лампы, запах лекарств и глухие шаги в коридоре постепенно вернули его к действительности.

Больница. Он здесь уже второй день.

Воспоминание обрушилось мгновенно, и вместе с ним вернулась тупая боль, разливавшаяся по всему телу. Стоило слегка пошевелиться, как гипс неприятно потянул ногу вниз, заставив его тихо поморщиться.

В палате было ещё темно. За окном едва начинал сереть зимний рассвет, а снег, выпавший ночью, приглушил все звуки большого города. Казалось, мир за стеклом замер, предоставив больнице право первой встретить новый день.

Ровно в половине седьмого дверь распахнулась.

На пороге появилась дежурный врач — невысокая женщина с неизменно бодрым выражением лица. Складывалось впечатление, будто ранние подъёмы доставляли ей искреннее удовольствие.

— Доброе утро, молодые люди! — весело произнесла она, словно вошла не в палату, а на праздничное чаепитие. — Через двадцать минут плановый осмотр. Не спим, умываемся и готовимся.

Не дожидаясь ответа, она скрылась в коридоре, оставив после себя лёгкий запах духов.

Артём проводил её сонным взглядом.

— Удивительный человек, — пробормотал он.

— Это ещё что, — зевая, отозвался Нечаев. — Через неделю привыкнешь и сам будешь просыпаться за минуту до её прихода.

Он перевернулся на другой бок и попытался снова уснуть, однако громкие голоса медсестёр уже разносились по всему отделению. Где-то за стеной зазвенела металлическая посуда, хлопнула дверь процедурного кабинета, а затем по коридору прокатилась тяжёлая тележка с завтраком.

Артём осторожно сел на кровати. Из приоткрытого окна тянуло свежестью, смешанной с ароматом только что испечённого хлеба. Этот запах мгновенно напомнил ему детство — зимние каникулы, когда мама вставала раньше всех и пекла булочки с корицей. Тогда казалось, что подобные утра будут длиться вечно.

Теперь всё выглядело иначе. Он стал старше, а детские драки давно перестали заканчиваться разбитыми коленками и слезами. Вместо них появились настоящая жестокость, кровь и вопросы, на которые пока не существовало ответов.

Размышления прервал громкий звонок.

— Завтрак! — оживился Нечаев, мгновенно вскочив с кровати.

Он двигался с такой скоростью, будто никогда не лежал в больнице.

— Пошли, а то самые вкусные булочки опять разберут.

— Здесь ещё и выбирать можно?

— Конечно нет, — засмеялся сосед. — Но надеяться никто не запрещал.

Артём не удержался от улыбки.

Через несколько минут они уже медленно ехали по коридору: Нечаев уверенно шагал рядом, а Артём самостоятельно управлял коляской, всё увереннее вращая большие колёса. За два дня движения стали гораздо точнее, и теперь он уже не задевал стены на каждом повороте.

Столовая оказалась небольшой, но удивительно уютной. Высокие окна пропускали мягкий зимний свет, отражавшийся от белых стен, а длинные столы были аккуратно накрыты ещё до прихода пациентов. Здесь не было больничной суеты: люди разговаривали вполголоса, кто-то читал газету, кто-то задумчиво смотрел в окно.

На подносе действительно лежала свежая булочка, всё ещё сохранявшая тепло. Артём отломил небольшой кусочек и неожиданно понял, насколько сильно проголодался. Простая выпечка показалась вкуснее многих праздничных блюд.

— Ну как? — с довольным видом спросил Нечаев.

— Теперь понимаю, почему ты так спешил.

— Я же говорил.

Некоторое время они ели молча. В этой тишине не было неловкости — напротив, она казалась удивительно спокойной и естественной. Иногда присутствие другого человека оказывается важнее любых разговоров.

После завтрака их вновь ожидали процедуры, обследования и бесконечные коридоры. Артём уже знал, что впереди его ждут недели лечения, медленное восстановление и долгие часы ожидания. Осознание этого по-прежнему пугало, но теперь рядом появились люди, благодаря которым одиночество переставало казаться таким невыносимым.

Нечаев успел стать настоящим товарищем всего за несколько дней, а где-то за стенами больницы жил Герман, который наверняка уже думал, когда сможет приехать снова. Первые после нападения Артём почувствовал, что жизнь, хотя и изменилась до неузнаваемости, всё ещё продолжается. Она больше не была прежней, но, возможно, однажды станет не менее счастливой — просто другой. Именно эта мысль помогла ему спокойнее встретить новый день, который, несмотря на боль и неизвестность, уже не казался бесконечно мрачным.

Глава 6

Герман не заметил, как вечер постепенно перетёк в ночь. Сначала стрелки часов приблизились к десяти, затем беззвучно пересекли эту черту, словно напоминая, что любая встреча когда-нибудь заканчивается. Время, которое ещё недавно казалось бесконечным, внезапно исчезло, растворившись в разговорах, смехе и том редком ощущении спокойствия, которого обоим так не хватало последние дни.

В палату заглянула медсестра.

— Молодой человек, время посещений закончилось.

Она произнесла это без раздражения, но достаточно твёрдо, чтобы спорить не хотелось. Герман понимающе кивнул и медленно поднялся с кровати. Артём проводил его взглядом, стараясь скрыть сожаление за привычной улыбкой.

— Завтра придёшь? — тихо спросил он.

Герман поправил шарф и, немного помедлив, ответил:

— Конечно. Если не выгонят раньше.

Оба усмехнулись. Шутка получилась не слишком удачной, но именно поэтому показалась особенно искренней.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Ещё несколько секунд они молча смотрели друг на друга, словно каждому хотелось сказать гораздо больше, однако нужные слова неожиданно закончились. Иногда молчание говорит значительно убедительнее любого разговора.

Герман осторожно прикрыл дверь и вышел в коридор. Через несколько минут он уже оказался на улице, где его встретил густой зимний холод. Воздух показался особенно свежим после тёплого больничного отделения. Он сделал глубокий вдох, и лёгкие мгновенно обожгло морозом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.